

УДК 808.2 – 02 + 808.2 – 54

Н.В.СОЛОВЬЕВА

Республика Беларусь, Минск, БГУ

«ВОЙНА»: ИСТОРИЯ СЛОВА И КОНЦЕПТА

«Рождение» концепта, как известно, представляет собой процесс возникновения языковой и/или невербальной формы, в которую был «завернут», «упакован» некий первичный концептуальный смысл. Этот обратный форму смысл еще не является в полной мере концептом (лат. *conceptus* – ‘понятие’), а представляет собой протоконцепт (лат. *conceptum* – ‘зародыш’) – «зерно первосмысла» [1, 51].

Conceptum как исходная точка формирования концепта возникает в результате первичного осмысления человеком предметов и явлений действительности. На языковом уровне этот первичный смысловой импульс прочитывается во внутренней форме (этимоне) имени концепта.

В ходе дальнейшего исторического развития концепта внутренняя форма остается неизменной. Более того, именно внутренняя форма задает границы развертывания концептуальных смыслов, организуя семантическое пространство концепта. Следовательно, выявление внутренней формы имени концепта дает возможность не только проникнуть в глубины сознания древнего человека, но и прогнозировать возможные проявления концепта в процессе дальнейшего исторического развития.

К сожалению, данные существующих этимологических словарей не всегда удовлетворительны в семантическом плане именно потому, что основное внимание уделяется преимущественно фонетическому оформлению слова. Особенности древнего мышления при этом в расчет не принимаются или почти не принимаются. Так, слово *война* генетически является субстантивированным прилагательным (от **vojьnъ*, -а, -о) [2, 162] и восходит к общеславянскому слову **voj*, значение которого в словарях М.Фасмера и Н.М.Шанского определяется как ‘боец, воин’ [3, 334-335; 4, 143], ‘воины’ – в «Историко-этимологическом словаре» П.Я.Черных [2, 160]. Очевидно, что, хотя формальная генетическая связь **vojьna* < **voj* бесспорна, первичность *воина* как лица, участвующего в *войне*, по отношению к самой войне представляется сомнительной.

Поскольку образование нового слова есть попытка выделить некоторый фрагмент из целостного смысла [1, 156-159], следует думать, что первоначально значение **voj* охватывало широкую и нерасчлененную понятийную область всего, что связано с войной и ее «физическими, материальными» воплощениями. Однако в силу того, что современное сознание не способно “видеть объемность и известный семантический

синкретизм исходного образа" [1, 349], при определении значения древнейшего корня неизбежны различного рода трудности и противоречия.

Происхождение **voj* также не совсем ясно. В этимологических словарях **voj* сближается с производными и.-е. основы **uei-* – 'стремиться, гнаться' [2, 160; 3, 334-335; 4, 141-142; 5, 90-91]. Такое происхождение **voj* представляется не совсем удовлетворительным, особенно если принять во внимание огромную значимость войны в мировоззрении древних индоевропейцев. В этой связи небезынтересно рассмотреть древнейший пласт общеславянского культурно-религиозного мировоззрения, сформированный в эпоху так называемого «славяно-иранского симбиоза» (Подробнее об этом см., например, работы Ж. Дюмезиля, Д. С. Раевского и др.).

Параллелизм славянской и индоиранской культурных традиций дает основания предположить, что славянской синкретичной категории **voj* соответствовало индоиранское обожествленное начало Вайу (**Vayu*), образ которого еще в общеиндоевропейский период связывался с ветром и бурей [6, 677]. Позже в мифологической системе ведийского периода Вайу-ветер рассматривался как дыхание = внутренняя сущность бога Варуны [6, 678] – грозного и жестокого царя-воителя [7].

Дальнейшее переосмысление образа Вайу происходит, когда на смену культа Варуны в индоиранской мифологии приходит культ Индры, точнее, мифологической пары Индра-Вайу (*Indra-Vayu*) («Гром и Ветер» в интерпретации Т. Гамкрелидзе – Вяч. Вс. Иванова, «Гроза и Битва» у Ж. Дюмезиля). Парное божество Индра-Вайу – воплощение двойственности военной функции, ее общественного и космического аспектов. Так или иначе, очевидно, что в составе мифологической пары *Indra-Vayu* Вайу практически утрачивает какое-либо отношение к ветру, что находит отражение и на языковом уровне: *Vayu* становится наименованием исключительно обожествленной силы Вайу, в то время как природное явление обозначается словом *vata* [6, 677].

Стоит, однако, вернуться к вопросу о славяно-иранских религиозно-мифологических параллелях. Мнения ученых сходятся в том, что в славянской мифологии присутствовал образ, аналогичный образу индоиранского Варуны – Сварог (**Svarogъ*), в соответствии с чем **voj* представляется как одна из его характеристик, воплощение силы и военной функции.

В свете бесспорных аналогий, восстановленных учеными для славянской и индоиранской культур, предположение о соответствии общеславянской безличной категории **voj* и индоиранского бога **Vayu* выглядит логичным. Однако была ли категория **voj* на самом деле "безличной"? Известно, что древний человек мыслил пантеистически. В архаическом сознании еще нет понятийно-обобщенных категорий, а есть конкретные обра-

зы "бога ветра", "бога войны" и т.д. Это позволяет предположить, что славянская "безличная" категория **voj* также некогда была обожествлена и персонифицирована. В частности, следы общеславянского божества, соответствующего Вайу, ученые находят в украинском фольклоре в образе Вия. (Ср.: Ви – віна (укр.) 'война' [4, 143]).

В соответствии с этим можно выделить два аспекта древнеслав. **voj*:

1. космический (или сакральный), которому в мифологическом сознании соответствует образ олицетворенной разрушительной силы, божества-воина – аналога индоиран. Вайу; этот аспект принадлежит жреческой сфере;
2. общественный (или профанный), который в архаическом сознании соотносится с образом войска, которое в данном случае мыслится как нерасчлененное множество, воплощение физической силы.

Иерархическое представление категории **voj* способно примирить этимологические разногласия, о которых упоминалось выше: **voj* в форме ед.ч. реализует сакральное значение первого уровня (т.е. "вои" не просто 'воин', а 'бог-воин, небесный воитель'), в то время как форма мн.ч. 'воины' реализует второй, общественный аспект. В соответствии с этим *воина* (**vojьna*) мыслится как нечто, свойственное *вои* (**voj*), причем признак этот следует понимать достаточно широко: для первобытного сознания война – это то, что происходит, когда появляются вооруженные люди – земное воплощение божественного *вои*; то, что «приносят» с собой эти люди.

Список литературы

1. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: Юна, 2002.
2. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – М.: Русский язык, 1994. – Т.1.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М., 1964-1973. – Т.1.
4. Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М.Шанского. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1968. – Т.1, вып.3.
5. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т.1.
6. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртене, 1998.
7. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. – М.: Наука, 1986.